

литературное
НОВОЕ
обозрение

Содержание № **146** [4'2017]

НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ

- 7 Евгений Стрелков. Фотопортация. 1896
- 10 Галина Рымбу. Жизнь в пространстве
- ЛАСУНАЕ: РИТОРИКА И ОБРАЗ: ВИЗУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ
- 14 Тимур Атнашев, Михаил Велижев. От составителей
- 22 Хорст Бредекамп. Визуальные стратегии Томаса Гоббса (пер. с англ. Кристины Сарычевой под ред. Николая Поселягина)
- 39 Квентин Скиннер. Амброджо Лоренцетти о силе и славе республик (пер. с англ. Николая Поселягина)
- 61 Манфредо Тафури. *Memoria et Prudentia*: Менталитеты патрициев и *res aedificatoria* (пер. с итал. Михаила Велижева)

ВИЗУАЛЬНЫЕ АТТРАКТОРЫ В ЛИТЕРАТУРЕ:
(МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА)

- 81 *Сергей Зенкин.* От составителя
- 83 *Юрий Мурашов.* Дурной глаз письма: О двух типах поэтологии зрения
- 90 *Сергей Зенкин.* Переглядывающиеся портреты («Легкое дыхание» Бунина)
- 98 *Татьяна Венедиктова.* На глаз и на ощупь: Визуальные аттракторы в «Моби Дике» Германа Мелвилла
- 104 *Александра Уракова.* Перемещенный портрет и неточная копия: Бронзино в «Крыльях голубки» Г. Джеймса
- 110 *Борис Степанов.* «Притяжение земли»: Пространство и литературный образ в теории экскурсий Н.П. Анциферова

ОПАЛА И ИЗГНАНИЕ В КУЛЬТУРНЫХ
И ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ XVI—XVII ВЕКОВ

- 121 *Мария Неклюдова.* От составителя
- 123 *Константин Ерусалимский.* «Грамоту писал невежливо»: Книжное творчество и безумие в России XVI—XVII веков
- 144 *Анна Серегина.* Опыт эмиграции и политическая полемика: «Жизнь англичан в Риме» Энтони Мунди (1582)
- 154 *Анна Стогова.* Как сконструировать добровольное изгнание в Париж? Джон Ивлин и Английская революция
- 168 *Кира Кашлявик.* «XI Письмо к провинциалу» Паскаля: траектория изгнания смеха
- 177 *Светлана Павлова.* Изгнание и мемуаротворчество: случай Мадемуазель де Монпансье
- 189 *Мария Неклюдова.* Придворная опала 1697 года. Опыт исторической реконструкции

ПРОЧТЕНИЯ: ПЕРЕВОДЫ

- 202 *Вера Сердечная.* Первый русский перевод поэмы Уильяма Блейка «The Marriage of Heaven and the Hell»: загадка рукописей из архива Ремизовых

ПОСТМОДЕРНИЗМ

213

227

ЭССЕ

247

258

272

ХРОНИКА

289

294

БИБЛИОГРАФИЯ

300

307

320

325

Борис Степанов

«Притяжение земли»:

ПРОСТРАНСТВО И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБРАЗ
В ТЕОРИИ ЭКСКУРСИЙ Н.П. АНЦИФЕРОВА*

Boris Stepanov

"The Attraction of the Land": Space and Literary Image in N.P. Antsiferov's Theory of Excursions

Борис Степанов (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; доцент Школы культурологии факультета гуманитарных наук; ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева; кандидат культурологии) steppann@mail.ru.

Boris Stepanov (National Research University "Higher School of Economics"; associate professor School of Cultural Studies, Faculty of Humanities; leading researcher, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities; PhD) steppann@mail.ru.

Ключевые слова: экскурсия, литературный туризм, реализм, читательское воображение, литературный культ, «власть места», Петербург Достоевского

Key words: excursion, literary tourism, realism, readers imagination, literary cult, "power of place", Dostoevsky's Petersburg

УДК: 821.161.1+801.73+82.0

UDC: 821.161.1+801.73+82.0

Задача этой статьи заключается в обсуждении проблематики аттрактивности литературных образов на материале теории литературных экскурсий Н.П. Анциферова. В основе идеи литературной экскурсии лежит идея переживания связи литературного образа с конкретным пространственным локусом. Описывая то, как литературная экскурсия задействует различные аспекты эстетики реализма и актуализирует определенные типы читательского опыта, Анциферов предвосхищает исследования литературного воображения в популярной культуре.

The object of this article is to discuss the problematics of the attractiveness of literary images in N.P. Antsiferov's theory of literary excursions. At the heart of the idea of literary excursions lies the idea of the experience of the connection of a literary image with a concrete spatial locus. Describing how a literary excursion utilizes various aspects of the aesthetics of realism and actualizes definite types of readerly experience, Antsiferov anticipates the research of literary imagination in popular culture.

Размышляя в известном эссе об «эффекте реальности», Ролан Барт обращается к тексту «Простой души» Гюстава Флобера и показывает, как в современной литературе меняется представление о референциальности литературного текста, его отношении к Поэзии и Истории. Однако анализ Барта не остается чисто семиотическим. Указывая на присущую реалистическому письму «референциальную иллюзию», возникающую вследствие *прямой смычки* референта с означающим, он обращает внимание и на характерную для культуры

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

модерна романтическую тягу к реальности. Современный человек движим «постоянной потребностью удостоверяться в доподлинности “реального”» [Барт 1994: 398]. Проявлениями этой потребности служат такие явления, как фотография, репортаж, выставки древностей, в том числе «тутанхамоновское шоу», а также туристические поездки к памятникам и местам исторических событий. Эти примеры нужны Барту для того, чтобы указать на антропологический горизонт литературного реализма. Если попытаться спроецировать эту «тягу к реальности» на саму литературу, то специфический интерес будет представлять последний из приведенных Бартом примеров. Предметом моего анализа в контексте проблематики «аттрактивности образа» будет феномен литературного туризма, выступающий ярким свидетельством того, как реалистическое качество современной литературы приобретает подчеркнуто аффективное измерение.

Как отмечают Майк Крэнг и Никола Уотсон, литературный туризм только недавно по-настоящему вошел в горизонт исследователей литературы и культуры [Crang 2003: 120; Watson 2006: 1–20]. Потребовалась достаточно длительная работа, чтобы такая досуговая и развлекательная практика, как туризм, стала легитимным предметом социологического анализа, а литературоведение, отказавшись от презумпции чистой текстуальности и проблематизируя границу между академическим литературоведением и формами популярной культуры, сделало предметом теоретической рефлексии связь между аффективностью и активностью читателя и пространственной референцией литературного текста. Далее я бы хотел обратиться к одному из ранних опытов рефлексии о литературном туризме, который нашел воплощение в работах русского историка Н.П. Анциферова, посвященных литературным экскурсиям. Мне представляется, что эти работы весьма показательны с точки зрения осмысления отношения литературы к реальности и той роли, которую здесь играет читательский опыт и читательский аффект.

Экскурсия как культурная практика представляет собой характерное проявление реалистической парадигмы модерна, о которой писал Барт. Она обязана своим появлением развитию не только туризма, но также реалистической модели образования с ее установкой на непосредственное изучение окружающего мира. Возникнув в середине XIX века, экскурсионное движение охватывает не только естественные, но и гуманитарные науки [Степанов 2005; Сицинцева 2011; Березина 2016]. Одним из его лидеров в России в начале XX века стал учитель Анциферова, историк И.М. Гревс, который высоко ценил путешествия и экскурсии как одну из составляющих практики профессионального исторического образования. В частности, он указывал на возможность познавательного синтеза, связанную с пребыванием в тех местах, где происходили исторические события:

Наблюдение непосредственным глазом разнородных археологических памятников искусства и быта в естественной обстановке, которая их вырастила, дает в один день яркую и искрящуюся жизнь длинной веренице фактов, в течение многих месяцев болезненным усилием разыскивавшихся в тяжелых толстых фолиантах и оставшихся туманными [Гревс 1910: 10].

Вдохновляясь этими идеями, Н.П. Анциферов создает в 1920-е годы целый корпус работ, посвященных теории и практике гуманитарных экскурсий. Прежде всего это так называемая «Петербургская трилогия», включающая книги

«Душа Петербурга» (1922), «Петербург Достоевского» (1923) и «Быль и миф Петербурга» (1924). Написанная преимущественно на литературном материале и одновременно впитавшая урбанистический пафос «Мира искусства», эта серия книг стала классикой петербургского краеведения. Наряду с ней Анциферов создает и методические работы (в первую очередь для нас важна здесь «Теория и практика литературных экскурсий» [Анциферов 1926])¹, и неопубликованное философское эссе «История как одна из форм борьбы за вечность» (1918—1942) [Анциферов 2004]².

Интеллектуальный статус работ Анциферова оказался в значительной степени определен экскурсионными рамками его работы, в силу которых они оказались в стороне от мейнстрима литературной и исторической науки. Попытки представлять литературу как источник формирования образов мест и городов и рассматривать их историю сквозь призму литературного воображения вызвали критику уже у современных ему сторонников научного подхода в историографии и литературоведении. Историкам не хватало в работах Анциферова фактической строгости. Такова была позиция известного историка Петербурга П.Н. Столянского. Признавая значение «Души Петербурга» как сводки того, «что было сказано в изящной литературе о Петербурге», он отрицал основания исторической концепции Анциферова, квалифицируя идею «души города» и связанную с ней идею исторической необходимости как «мистико-праздные бредни» [Голубева 2007: 62—63, 188—189]. Близкие к кругам ОПОЯЗа филологи, в свою очередь, упрекали Анциферова за пренебрежение автономией литературного мира во имя поисков реальных прототипов. Комментируя его попытки нащупать «фон городского ландшафта для Свидригайлова и Раскольникова», Лев Лунц говорил ему: «Дома Достоевского надо искать не на улицах Петербурга, а на страницах романов Бальзака и Диккенса» [Анциферов 1992: 410]³.

К обоснованию концепции «реализма», лежащего в основе экскурсионного опыта, Анциферов подходит с разных сторон. В перспективе исторической науки и присущего ей позитивистского культа принципиальным моментом становится признание воображаемого или мифа частью исторической реальности. В частности, утверждая возможность для историка говорить о том, что апостол Петр, никогда не бывавший в Риме, тем не менее присутствует в жизни города, Анциферов писал:

Историк не поэт, но плох тот историк, который совсем не поэт, который не способен ощутить действительное бытие легенды, связанной с «историческим местом». Итак, легенда рассматривается как истинное *sui generis* событие в жизни души человечества, независимо от того, имело ли оно фактическую основу в жизни внешней [Анциферов 2004: 159].

- 1 Показательно, что Анциферов более основательно, чем его предшественники, разрабатывает проблематику литературного воображения. См., например: [Соколов 1910: 29—41].
- 2 Замечательно многообразие регистров, в которых разворачиваются эти рассуждения, — от методических рекомендаций до историко-литературных эссе и философских рассуждений об исторической памяти, в которых тематика экскурсий занимает одно из ключевых мест.
- 3 Более подробно о соотношении концепции Анциферова и идей формалистов см.: [Степанов].

Однако когда речь идет о литературе, Анциферов вынужден, наоборот, обосновывать возможность референциальной интерпретации литературного текста. Показательно, что в самой природе литературной экскурсии он усматривает изначальный конфликт: экскурсионный опыт традиционно связан с получением зрительных впечатлений, между тем словесные образы «только в переносном смысле могут быть названы зрительными» [Анциферов 1926: 4]. Исходя из этого, экскурсия оправдана только в ситуации недостаточности читательского опыта, т.е. тогда, когда словесные образы оставляют нас неудовлетворенными и требуют восполнения, в том числе и визуального. В книге это восполнение осуществляется посредством иллюстрации и комментария, также эту функцию выполняет и театральная инсценировка, с которой Анциферов связывает экскурсию: «Постановки Художественного театра и его студии были не только иллюстрацией к “Братьям Карамазовым”, “Бесам” или “Сверчку на печи”, но и комментарием, который содействовал новой интерпретации (разрядка авторская. — Б.С.)» [Анциферов 1926: 5]. Однако экскурсия, в отличие от названных культурных форм, по мнению историка, обладает большей ценностью. Экскурсионный опыт обладает качеством подлинности, поскольку предметом ее выступает «сама действительность» — места, отразившиеся в произведениях или имеющие отношение к биографии писателя. Благодаря этому экскурсия может служить своего рода противовесом против произвольных и, следовательно, искажающих суть художественного произведения образов [Анциферов 1926: 6–8]⁴.

Обоснование экскурсионной стратегии понимания литературы полемически направлено против концепции эстетической автономии литературы и формалистов. Признавая, что с точки зрения эстетики экскурсия как форма комментария имеет лишь вспомогательное значение, Анциферов связывает ее с фигурой автора произведения. Апеллируя к популярному тогда «социологизму», он трактует экскурсию как средство проникнуть в «творческую лабораторию писателя», в его «поэтическое хозяйство»⁵. Однако дальнейшее его изложение обнаруживает очевидный дрейф в понимании референциальности экскурсионного опыта. Литературная экскурсия в интерпретации Анциферова аккумулирует не столько когнитивные моменты, характерные для позитивистского комментария с его культом архива, биографической реконструкции и т.д., сколько то, что подпитывает читательские воображение и эффект.

В этом отношении показательна его интерпретация одной из важнейших форм экскурсионного освоения литературы — литературно-биографических экскурсий, связанных с посещением мест жизни и творчества великих писателей. Основой постижения литературы Анциферов полагает «историко-топографическое чувство», дающее ощущение контакта:

4 Таким образом, в экскурсии реализуется идея визуального как нормативного. См. об этом: [Дубин 2004].

5 В словосочетании «поэтическое хозяйство» более значимым оказывается слово «хозяйство». Показательно, что эти формулировки приводят Анциферова к необходимости сделать теоретическую уступку формалистам с их идеей автономии искусства и признать вспомогательное значение экскурсий для литературоведческого анализа. Вводя в поэтическое хозяйство, экскурсии не дают возможности понимать собственно художественную сторону произведения.

Слова «на этом самом месте» имеют какую-то магическую силу над благочестивым сознанием. Словно место, озаменованное великим событием, — побеждает время. Когда находишься на нем, размыкается цепь времен, текущий миг прикладывается к прошлому и яркой искрой вспыхивает переживание угасшего былого [Анциферов 1926: 43].

Культовый статус литературы в этих экскурсиях поддерживается различными формами коллективного поклонения, чтением сакрализованных текстов⁶. Значение ауратических эффектов подтверждается опытом мемориальных музеев писателей, часто выступающих объектом такого рода экскурсий. Чувство контакта здесь может возникать от соприкосновения с самым незначительным предметом исключительно лишь в силу его принадлежности великому человеку [Анциферов 1926: 48–49]⁷. В сравнении с посещением мемориальных музеев экскурсия в литературный музей с его искусственно сформированной экспозицией имеет, по мнению ученого, меньшую ценность. Применительно к России демократизация литературного культа служит для Анциферова важным симптомом формирования новой традиции исторической памяти. По его мнению, развернувшееся в Советской России в первые послереволюционные годы создание мемориальных музеев и превращение в заповедники мест проживания великих писателей — наряду с появлением революционных мемориалов — можно рассматривать как симптом формирования подлинной народной памяти, которую убивал официальный национализм в дореволюционной России [Анциферов 1926: 43–44].

Характеризуя литературно-биографические экскурсии, Анциферов подчеркивает значение традиции паломничества к местам великих событий, к которой они восходят. Эту традицию он прослеживает от путешествий Александра Македонского до исследовательских поездок историков XIX века. Однако литература не просто становится новым объектом паломничества, но и сама культивирует эту традицию, давая образцы посещений биографически значимых мест. Анциферов упоминает здесь о ностальгических путешествиях как самих писателей (А.С. Пушкин, А.И. Герцен), так и литературных героев (Лаврецкий у И.С. Тургенева или Жан-Кристоф у Ромена Роллана) [Анциферов 1926: 43–44; 2004: 148].

Это уравнивание писателей и литературных персонажей показательно для современной практики литературной мемориализации, которая размывает границу между реальностью и воображением. Наряду с местами жизни писателей ее объектами выступают и места, связанные с литературными персонажами:

Так создалась легенда о доме Лизы Калитиной в Орле. Вспомним меланхолические паломничества в Москве в начале прошлого века к Лизину пруду у Симонов монастыря. Так в Италии чтят мост della grasia [sic] во Флоренции — место встречи Данте с Беатриче, в Лондоне «Лавку древностей», в США места, связанные

6 Ср.: [Schaff 2011: 175]. О различных проявлениях литературного культа см., например: [Зенкин 2011].

7 Характерно, что в заметках «История как одна из форм борьбы за вечность» Анциферов в связи с этим будет отрицать приоритет познавательного момента в экскурсии: «Звонкие позитивисты будут пытаться уверить себя и других в том, что в этом стремлении сохранить мемориальные вещи “нет никакой мистики”, что это стремление основано на познавательном моменте и только. Но они не хотят видеть основу, потому что они боятся глубины жизни» [Анциферов 2004: 159].

с Томом Сойером, во Франции в Руане — дом мадам Бовари. Все это по существу явления одного порядка, все это напоминает Пушкинское <...> «Я верю — здесь был храм» [Анциферов 2004: 157].

В то время как в рамках описанного типа экскурсий референциальность литературы определяется контекстом биографии писателя и в этом смысле носит достаточно однозначный характер, применительно к другому типу — «экскурсиям на литературную тему» — она оказывается более проблематичной и становится предметом развернутой рефлексии. В этих экскурсиях, которые строятся вокруг взаимосвязи произведения с определенной местностью, принципиальное значение опять-таки приобретает читательский опыт. Экскурсии, как пишет Анциферов, отвечают потребности читателя, полюбопытствовавшего образами того или иного произведения, «войти в соприкосновение с теми местами, которые вдохновили писателя, ощутить на себе их власть» [Анциферов 1926: 79]⁸. Задачей экскурсиониста⁹ в этом случае становится создание условий для максимально возможного погружения в мир литературного произведения.

Интересный материал для анализа того, как понимается возможность экскурсионной проекции литературы в городскую среду, представляют описания прогулок по мотивам «Преступления и наказания», которые критиковал Лунц. Подготовка к проведению экскурсии требует не только штудирования текста, но и работы с городской средой. Экскурсионист должен не только обнаружить следы, связывающие текст с конкретным ландшафтом, но и изучить состояние городской среды. Разумеется, приоритетной задачей (в частности, с учетом детальности топографических указаний в романе Достоевского) ставится поиск «тех самых» мест, в которых разворачивается действие произведения¹⁰. Вместе с тем экскурсионист должен учитывать не только то, что топографические указания часто неточны или не являются абсолютно достоверными, но также и то, что изменения городской среды ограничивают возможности точной локализации. Обращаясь к обобщенным описаниям города, автор переходит к поиску не прототипических, а типических «иллюстраций» в тексте Достоевского. Это в свою очередь означает, что во имя усиления впечатления оправданы и отклонения от маршрутов героев, и осмотр тех районов, которые наилучшим образом «сохраняют» дух произведений писателя¹¹. Таким образом, экскурсия превращается в своего рода квест, в котором кри-

⁸ Можно предположить, что экскурсии такого типа — в отличие от литературно-биографических — предполагают более узкую аудиторию поклонников и знатоков литературных произведений.

⁹ Термин «экскурсионист» обозначает не только экскурсовода, но и человека, самостоятельно и индивидуально реализующего экскурсионный маршрут.

¹⁰ Как показывают А.М. Конечный и К.А. Кумпан, «Петербург Достоевского» становится своего рода связующим звеном между дискуссиями о достоверности изображения города, которые начались вскоре после публикации романа Достоевского, и изысканиями краеведов 1960—1970-х годов, в значительной степени инспирированных этим и другими текстами Анциферова [Кумпан, Конечный 1976]. См. также: [Белов 2002: 238—240].

¹¹ Т.Д. Венедиктова упоминает об аналогичном примере из биографии Ч. Диккенса: «В последние годы жизни, приглашая гостей в свой загородный дом, он нанимал специальный экипаж, чтобы те почувствовали себя в “диккенсовском” мире (между тем в Лондоне в это время уже действовало метро!)» [Венедиктова 2001].

терии аутентичности искомого будут определяться не только достоверностью, но и стремлением к полноте погружения¹².

Различными интерпретациями текста задаются и различные варианты построения маршрутов. Например, экскурсия по району Мокруши, связанная с образом Свидригайлова, включает в себя две части. Первая из них в большей степени ориентирована на наблюдения типологического характера и связана с освоением районов, которые изображены в романе или позволяют почувствовать дух изображенного. Вторая же, «идиографическая», воспроизводит маршрут походов этого героя в последнюю ночь. Мрачный образ Свидригайлова, его предсмертные терзания рифмуются с темной водной стихией, которая, по мнению Анциферова, так сильна в жизни Петербурга. Таким образом, происходящий на местности разбор произведения в соответствии с топографическими указаниями, присутствующими в этом эпизоде, призван в итоге дать экскурсантам яркое переживание одного из кульминационных моментов действия.

Создавая прогулку по произведению Достоевского, экскурсионист — подражая самому писателю — выступает в роли режиссера [Анциферов 1923: 66–92]. О том, в чем это выражается на практике, свидетельствует следующий пассаж из «Петербург Достоевского»:

Трудно найти панораму, столь сохранившую свой старый облик. Панорама Петербурга для Достоевского была проникнута духом немым и глухим. Осмотр надо производить медленно и по окончании его сделать небольшую паузу. Образ старого Петербурга вырисовывается чрезвычайно рельефно. После осмотра надо вернуться к теме воды. Не обременяя внимания экскурсантов отрывками, можно своими словами охарактеризовать ту тягу к воде, которую так хорошо знали беспоконные герои Достоевского и которую так жутко передал А. Блок [Анциферов 1923: 76–77]¹³.

В экскурсионном погружении в мир Петербурга Достоевского, которое описывает Анциферов, очень важное место занимает не только способность к вживанию в окружающую среду, но и ностальгические эмоции самих экскурсантов. Так, описывая домик на Малом проспекте, похожий на дома, с теплотой изображенные в «Белых ночах» и «Подростке», он пишет:

Да и сам этот домик будет скоро милым воспоминанием. В нем уже никто не живет. Часть окон выбита. Сможет ли «охрана памятников старины» спасти его для лучших времен? Однажды экскурсии довелось побывать подле него при закате ранней весной. Несколько последних лучей солнца упали на ряд его окон, и зажглись огоньки, словно жизнь вернулась в него. Но этот румянец зари быстро угас, как улыбка, украсившая лицо той чахлой девушки, которая в «Белых ночах» является символом весеннего Петербурга. Все потемнело. Выступили черные, пустые окна на ветхом фасаде, а подле него за забором благоухали клейкие весенние листочки; от них не отлетела молодая жизнь и после того, как город начал

12 В этом отношении рассуждения Анциферова вписываются в контекст современных дискуссий об аутентичности, восходящих, в частности, к работам Д. Макканнелла, например: [MacCannell 1973]. См. также: [Wang 1999].

13 Анциферов, по всей видимости, имеет в виду театрального режиссера (ср. выше сравнение экскурсии с инсценировкой), однако то, что он описывает, ближе всего к выбору натуры кинорежиссером.

погружаться в сумрак. В этом месте мы можем конкретно ознакомиться со столь редким в русской литературе восприятием города: одухотворение его уголка; интимный подход к его *genio loci*, с установлением личного отношения к «нечеловеческому существу» [Анциферов 1923: 74].

Приведенная цитата ярко обнаруживает многоуровневую литературную перспективу экскурсионной интерпретации города. В описание образа реально существующего дома оказываются «вплавлены» литературные цитаты¹⁴. Не менее важно и то, что в создании его общего облика воспроизводится характерный для реалистической литературы прием психологизации объектов, в соответствии с которым «личность отпечатывается в материальном окружении, а последнее, со своей стороны, резонирует, вбирая в себя черты личности» [Азэрбах 1976: 465–467]¹⁵. Наконец, показательна интертекстуальность этого отрывка, переход из «Преступления и наказания» в другие тексты, создающие Петербург Достоевского. Образ улыбки девушки, соединенный с описанием сагата, становится метафорой ностальгического переживания, связанного с этим домом.

Как показывают приведенные цитаты, погружение в мир литературного произведения обеспечивается использованием целого арсенала выразительных средств: от маршрута и выбора перспективы осмотра, темпа движения и манеры исполнения цитируемых фрагментов до времени суток и состояния погоды. Важной составляющей этой режиссерской хватки является историческое и пространственное чутье, тестирующее состояние окружающего ландшафта, его сохранность и возможности соотнесения с литературным текстом.

* * *

Ватсон в книге о литературном туризме XIX века пишет: «Читательское стремление установить связь автора и текста с определенными местами, вероятно, было порождено увлеченностью биографией и реалистическим вымыслом, распространившейся в XIX веке, однако в значительной степени присущей нам и сегодня» [Watson 2006: 201]. По мнению британского исследователя, начало XX века можно считать временем формирования современной литературной географии, которая может быть понята не только как дисциплина или культурная практика, но и как принцип организации пространства, в конечном счете играющий важную роль в воспроизводстве литературы как социального института. Сегодня этот литературный туризм переживает экспансию, не только вовлекая самые разные воображаемые миры, но и опираясь на различные медиа. Работы Анциферова в этой перспективе интересны не только как феномен российской интеллектуальной культуры 1920-х годов, но и как попытка осмыслить определенную конфигурацию отношений между воображением и (исторической) реальностью. В отличие от работ формалистов, здесь

¹⁴ Как отмечают в примечании к этому фрагменту Конечный и Кумпан, «клеякие весенние листочки — цитата из “Братьев Карамазовых”, восходящая в свою очередь к стихотворению Пушкина “Еще дуют холодные ветры...”» [Конечный, Кумпан 1991: 71]. О поэтической стилистике текстов Анциферова см.: [Орлицкий 2015].

¹⁵ О различии в изображении домов у Достоевского и Диккенса см.: [Анциферов 2009: 172–184, 426–458].

центральными становятся неудовлетворенность читателей литературностью своего опыта и поиск возможности осуществить контакт с писателем и / или образами его произведений в реальном пространстве и времени, тем самым достигая более полного переживания.

Как свидетельствует наш анализ, в самом обосновании литературной экскурсии Анциферов опирается на двойственность современной реалистической парадигмы, которая была впоследствии отмечена Бартом. При этом необходимо учесть, что в осмыслении отношений литературы и места она колеблется между натурализмом, с одной стороны, и утверждением субъективности — с другой. В первом случае он апеллирует к натуралистическим конструкциям — будь то «власть места» или «личность автора», — устраняющим воображение и читательскую субъективность. Во втором — ставит во главу угла переживание и исследует возможности достижения его полноты, задействуя разные формы восприятия и, следовательно, отсылая к различным уровням референциальности. Оказавшись на обочине развития литературной и исторической науки, работы Анциферова предвосхитили нарастающий в современном гуманитарном знании интерес к анализу механизмов переживания литературы и значения в контексте восприятия (городского) пространства вместе с тем указали на рефлексивный потенциал читательского опыта, осознание которого характеризует исследования популярной культуры.

Библиография / References

- [Анциферов 1923] — Анциферов Н.П. Петербург Достоевского. Пг.: Брокгауз—Ефрон, 1923.
(Antsiferov N.P. Peterburg Dostoevskogo. Petrograd, 1923.)
- [Анциферов 1926] — Анциферов Н.П. Теория и практика литературных экскурсий. Л.: Сеятель, [1926].
(Antsiferov N.P. Teoriya i praktika literaturnykh ekskursiy. Leningrad, [1926].)
- [Анциферов 1992] — Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А.И. Добкина. М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992.
(Antsiferov N.P. Iz dum o bylom: Vospominaniya / Ed. by A.I. Dobkin. Moscow, 1992.)
- [Анциферов 2004] — Анциферов Н.П. Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность: (Фрагменты) (1918—1942) / Подгот. к публ. и предисл. А. Свешникова и Б. Степанова // Исследования по истории русской мысли. Т. 6: Ежегодник 2003 / Ред.-сост. М.А. Колеров. М.: Модест Колеров, 2004. С. 107—162.
(Antsiferov N.P. Istoricheskaya nauka kak odna iz form bor'by za vechnost': (Fragments) (1918—1942) / Ed. by A. Sveshnikov and B. Stepanov // Issledovaniya po istorii russkoy mysli. Vol. 6: Ezhegodnik 2003 / Ed. by M.A. Kolerov. Moscow, 2004. P. 107—162.)
- [Анциферов 2009] — Анциферов Н.П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе: Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций / Сост., подгот. текста и послесл. Д.С. Марковской. М.: ИМЛИ РАН, 2009.
(Antsiferov N.P. Problemy urbanizma v russkoy khudozhestvennoy literature: Opyt postroyeniya obraza goroda — Peterburga Dostoevskogo — na osnove analiza literaturnykh traditsiy / Ed. by D.S. Moskovskaya. Moscow, 2009.)
- [Ауэрбах 1976] — Ауэрбах Э. Мимесис: Изображение действительности в западноевропейской литературе / Пер. с нем. Ал.В. Михайлова; предисл. Г.М. Френклендера. М.: Прогресс, 1976.
(Auerbach E. Mimesis: Dargestellte Wirklichkeit in abendländischer Literatur. Moscow, 1976. — Russ.)
- [Барт 1994] — Барт П. Эффект реальности / Пер. с франц. С.Н. Зенкина // Барт П. Выбранные работы: Семиотика. Поэтика. Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косигов. М.: Прогресс, 1994. С. 392—400.

- Barthes R. L'effet de réel // Barthes R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika / Ed. by G.K. Kosikov. Moscow, 1994. P. 392—400. — In Russ.)
- Белов 2002] — Белов С.В. Петербург Достоевского. СПб.: Алетейя, 2002.
- Belov S.V. Peterburg Dostoevskogo. Saint Petersburg, 2002.)
- Березина 2016] — Березина В.А. Экскурсионная работа в 1920-х гг.: (На материалах Петрограда—Ленинграда): Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2016.
- Berezina V.A. Ekskursionnaya rabota v 1920-kh gg.: (Na materialakh Petrograda—Leningrada): PhD dis. Saint Petersburg, 2016.)
- Венедиктова 2001] — Венедиктова Т.Д. Секрет срединного мира: Культурная функция реализма XIX в. // Зарубежная литература второго тысячелетия, 1000—2000: Учебное пособие для факультетов филологического профиля / Под ред. Л.Г. Андреева. М.: Высшая школа, 2001 (forlit.philol.msu.ru/Pages/Biblioteka_Vened_Realism.htm (дата обращения: 06.05.2017)).
- Venediktova T.D. Sekret sredinnogo mira: Kul'turnaya funktsiya realizma XIX v. // Zarubezhnaya literatura vtorogo tysyacheletiya, 1000—2000: Uchebnoe posobie dlya fakul'tetov filologicheskogo profilya / Ed. by L.G. Andreev. Moscow, 2001 (forlit.philol.msu.ru/Pages/Biblioteka_Vened_Realism.htm (accessed: 06.05.2017)).)
- Голубева 2007] — Голубева И.А. Петр Николаевич Столпянский — историк Санкт-Петербурга. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007.
- Golubeva I.A. Petr Nikolaevich Stolpyanskiy — istorik Sankt-Peterburga. Saint Petersburg, 2007.)
- Гревс 1910] — Гревс И.М. К теории и практике «экскурсий», как орудия научного изучения истории в университетах. СПб.: Сенатская типография, 1910.
- Grevs I.M. K teorii i praktike «ekskursiy», kak orudiya nauchnogo izucheniya istorii v universitetakh. Saint Petersburg, 1910.)
- Дубин 2004] — Дубин Б. Визуальное в современной культуре // Дубин Б. Интеллектуальные группы и символические формы: Очерки социологии современной культуры. М.: Новое издательство, 2004. С. 31—37.
- Dubin B. Vizual'noe v sovremennoy kul'ture // Dubin B. Intellektual'nye gruppy i simvolicheskie formy: Ocherki sotsiologii sovremennoy kul'tury. Moscow, 2004. P. 31—37.)
- Зенкин 2011] — Зенкин С.Н. От текста к культу // Культ как феномен литературного процесса: Автор, текст, читатель: Сборник статей / Отв. ред. М.Ф. Надъярных и А.П. Уракова. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 133—140.
- Zenkin S.N. Ot teksta k kul'tu // Kul't kak fenomen literaturnogo protsessa: Avtor, tekst, chitatel': Sbornik statey / Ed. by M.F. Nad'yarnykh and A.P. Urakova. Moscow, 2011. P. 133—140.)
- [Конечный, Кумпан 1991] — Конечный А.М., Кумпан К.А. Комментарии // Анциферов Н.П. Душа Петербурга; Петербург Достоевского; Быль и миф Петербурга / Сост. К.А. Кумпан и А.М. Конечного. М.: Книга; Ред.-изд. центр № 2 «Канон», 1991. С. 13—98.
- (Konechnyy A.M., Kumpant K.A. Kommentarii // Antsiferov N.P. Dusha Peterburga; Peterburg Dostoevskogo; Byl' i mif Peterburga / Ed. by K.A. Kumpan and A.M. Konechnyy. Moscow, 1991. P. 13—98.)
- [Кумпан, Конечный 1976] — Кумпан К.А., Конечный А.М. Наблюдения над топографией «Преступления и наказания» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 2. С. 180—190.
- (Kumpant K.A., Konechnyy A.M. Nablyudeniya nad topografieiye «Prestupleniya i nakazaniya» // Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka. 1976. Vol. 35. № 2. P. 180—190.)
- [Орлицкий 2015] — Орлицкий Ю.Б. Особенности цитирования стихотворных текстов в книгах Анциферова // Третьи московские Анциферовские чтения. М.: ГЛМ; ИМЛИ РАН; Летний сад, 2015. С. 303—310.
- (Orlitskiy Yu.B. Osobennosti tsitirovaniya stikhotvornykh tekstov v knigakh Antsiferova // Tret'i moskovskie Antsiferovskie chteniya. Moscow, 2015. P. 303—310.)
- [Сизинцева 2011] — Сизинцева Л.И. Отечественные экскурсионные школы второй половины XIX — первой трети XX века: Учебное пособие. Кострома: Костромской государственный технологический университет, 2011.
- (Sizintseva L.I. Otechestvennyye ekskursionnyye shkoly vtoroy poloviny XIX — pervoy treti XX veka: Uchebnoe posobie. Kostroma, 2011.)
- [Соколов 1910] — Соколов Н.М. О гуманитарных экскурсиях. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1910.
- (Sokolov N.M. O gumanitarnykh ekskursiyakh. Saint Petersburg, 1910.)
- [Степанов] — Степанов Б.Е. О «социологизме» в литературоведческой рефлексии Н.П. Анциферова // Четвертые московские Анциферовские чтения (в печати).
- (Stepanov B.E. O «sotsiologizme» v literaturovedcheskoy refleksii N.P. Antsiferova // Chetvertye moskovskie Antsiferovskie chteniya. [In print.]
- [Степанов 2005] — Степанов Б.Е. Знание о прошлом в теории экскурсии И.М. Гревса и

- Н.П. Анциферова // Феномен прошлого / Отв. ред. И.М. Савельева и А.В. Полетаев. М.: ГУ-ВШЭ, 2005. С. 419—475.
(Stepanov B.E. Znanie o proshlom v teorii ekskursii I.M. Grevsa i N.P. Antsiferova // Fenomen proshlogo / Ed. by I.M. Savel'eva and A.V. Poletaev. Moscow, 2005. P. 419—475.)
- [Crang 2003] — Crang M. Placing Jane Austen, Displacing England: Touring between Book, History, and Nation // Jane Austen and Co.: Remaking the Past in Contemporary Culture / Ed. by S.R. Pucci and J. Thompson. Albany: State University of New York Press, 2003. P. 111—132.
- [MacCannell 1973] — MacCannell D. Staged Authenticity: Arrangements of Social Space in Tourist Settings // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 79. № 3. P. 589—603.
- [Schaff 2011] — Schaff B. "In the Footsteps of... The Semiotics of Literary Tourism // Kultur-Poetik. 2011. Bd. 11. Heft 2. S. 166—180.
- [Wang 1999] — Wang N. Rethinking Authenticity in Tourism Experience // Annals of Tourism Research. 1999. Vol. 26. № 2. P. 349—370.
- [Watson 2006] — Watson N.J. The Literary Tourist: Readers and Places in Romantic & Victorian Britain. Houndmills, Basingstoke (Hampshire): New York: Palgrave Macmillan, 2006.